
Нико
Штер
ИНФОРМАЦИЯ,
ВЛАСТЬ
И ЗНАНИЕ
ABCDE
FGHI
BRVEGEL

УДК 316.62:32
ББК 60.56
Ш 900

Штер Н.

Ш900 Информация, власть и знание / Н. Штер. – СПб.: Алетейя, 2019. – 572 с.

ISBN 978-5-907189-56-0

Взаимное влияние информации, знания, компетенций и свободы (и, следовательно, демократии) в сложно организованных современных обществах, а также изменение их взаимоотношений в эпоху модерна – одна из интереснейших тем нашего времени. Этот вопрос заслуживает постоянного систематического изучения потому, что в данном случае речь идет не о статичной, раз и навсегда зафиксированной взаимосвязи, а о динамично развивающемся взаимодействии, которое, с одной стороны, зависит от прогресса форм знания и значимых свобод, а с другой – от новых проблем демократии и стремительно растущих научных познаний.

В современных обществах неуклонно возрастает значение специального знания, в чем многие видят угрозу демократии. В чем заключается основная проблема – в том, что нам не хватает знаний, или в том, что мы знаем слишком много? Как наши знания влияют на гражданские свободы? Помогает ли знание справляться с новыми, комплексными задачами или, наоборот, мешает?

В этой книги подробно исследуется изменчивая динамика производства знания и ее влияние на условия и практики свободы, анализируется рост знания о знании и вклад постоянно развивающихся средств коммуникаций в этот процесс. Автор призывает читателей пересмотреть понимание социальной роли знания и предлагает концепцию «общества, основанного на знании», в качестве ключевого ресурса расширения свобод граждан.

УДК 316.62:32
ББК 60.56

ISBN 978-5-907189-56-0
9 785907 189560

© Н. Штер, 2019
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Свобода — дочь знания[1]

[1] Название моего исследования возникло из вольной ассоциации на фразу Фридриха Шиллера о том, что «искусство есть дитя свободы» (из второго письма Шиллера герцогу Гольштейн–Аугсбургскому, впервые опубликовано в «Орах» в 1795 году под заголовком «Об эстетическом воспитании человека»). Шиллер, впрочем, был не единственным, кто высказывал подобные идеи в ту эпоху. Томас Джефферсон в письме к Франсуа д´Ивернпуа называет свободу «старшей дочерью науки». Маркиз де Кондорсе (Condorcet, [1796] 1996) был убежден в неделимом единстве познавательного прогресса и свободы, добродетели и признания естественных прав человека.

Введение

> Прогресс и распространение знаний — единственная гарантия свободы.
>
> *Джеймс Мэдисон (Madison, 1825)*[1]

> Народ тем более привержен демократии, чем более значительную роль в общественных делах играют совместные обсуждения, размышления, критика.
>
> *Эмиль Дюркгейм (Durkheim, [1957] 1991:128)*

Взаимное влияние информации, знания и науки, с одной стороны, и свободы, а, следовательно, и демократии, с другой, в современных, высокоразвитых обществах, а также изменение их отношений — одна из увлекательнейших тем нашей эпохи. Эта проблема нуждается в систематическом изучении, причем не только потому, что в данном случае речь идет не о раз и навсегда зафиксированной, статичной взаимосвязи, а об исторической динамике отношений, зависящих, с одной стороны, от развития форм знания и релевантных свобод (какая свобода имеет значение?) и, с другой стороны, от неизвестных ранее проблем и испытаний демократии и стремительно прогрессирующих научных познаний в современных обществах.

Знание или, вернее, компетентность (knowledgeability) и в том числе связанное с ней субъективное ощущение собственных способностей и навыков может выступать в качестве ресурса сопротивления слабых обществу, в частности, государственным

---

[1] См. Three Letters and other Writings of James Madison 492 (J.P. Lippincott & Co. 1865; воспроизведение письма к Джорджу Томсону от 30 июня 1825 года).

учреждениям, а не только в качестве основы могущества власть имущих, как опасаются многие исследования. Тема этой книги — власть граждан в современных обществах в значении, отличном от власти избирателей, проявляющейся в электоральном поведении.

В самом общем виде представление о тематике моего исследования может дать следующий список проблем и вопросов: (1) Генеалогия отношений знания и свобод; (2) Создает ли знание гражданского общества более благоприятные условия для свободы? (3) Существуют ли проблемы и противоречия между свободой и знанием и в чем именно они состоят? (4) Какие есть объяснения демократических процессов? (5) Должно ли знание быть оперативным фактором? Или же (6) оно должно быть компетентностью в значении способности иметь собственные намерения? (7) Как выглядит социально–исторический контекст современных демократий и какую роль в нем играют знание свобода? И я еще раз кратко сформулирую основной вопрос: способствовало ли взаимодействие знания и демократического поведения бесспорному росту и утверждению либеральных политических систем в течение последних десятилетий так, чтобы можно было утверждать, что свобода — это дочь знания?

О генеалогии знания и свободы

Задаваясь вопросом о взаимодействии знания и демократии, не стоит абсолютизировать ни понятие демократии, ни понятие свободы. Ни то, ни другое не отражает некий готовый, обнаруженный исследователем объект. У нас нет оснований говорить о статичном понятии знания и демократии или, если быть более точным, о недифференцированном, внеисторическом понимании знания и демократии. Как ни парадоксально, спорность этих понятий очевидна, что, впрочем, не означает необходимости от них отказаться. Я, со своей стороны, не намерен останавливаться на анализе этой спорности с целью отражения многозначности соответствующих понятий. Разумеется, документация и обсуждение спорности понятий есть важная часть просвещения (ср. Eisenstadt, 1982), однако чтобы не стать пленником экзегезы и не ходить по кругу многозначности, необходимо преодолеть власть смыслового многообразия. Сосредоточенность коммуникации на себе самой

и на своих собственных предпосылках неминуемо заводит дискуссию в тупик (см. Luhmann, 2002: 291). Таким образом, чтобы приблизиться к цели исследования, нужно выбрать для себя одно конкретное определение неоднозначных понятий. Этому посвящена первая часть данной книги.

Очевидно, что в сравнительном соотнесении традиции и современности, равно как и в проблематике моего исследования речь идет об определенных формах знания и специфических формах демократии. Знания иерархически–феодального мира средневековья, абсолютистского мира XVII–XVIII–го веков с характерной для него идеей прирожденного права или закрытого колониального мира XIX–го века с его непоколебимыми истинами находятся в антагонистических отношениях с демократией. Общество, не желающее перемен, не в состоянии смириться с временным, ненадежным или критическим знанием (см. также Plessner, [1924] 1985: 7–9).

Безусловно, в прошлом также имели место эпохи и исторические контексты, где конструктивная, тесная или даже прямая, но не исключающая критики связь между (научным) познанием, демократией и эмансипацией была частью непоколебимых убеждений и надежд населения. Так, например, гражданско–демократические движения XVIII–го века были тесно связаны со становлением современной науки. Основатели и сторонники социалистического движения, причем не только в XIX веке, были убеждены, что наука поможет рабочим в их борьбе за гуманизацию общества и духовную и материальную свободу.

Такое восприятие науки и ее демократического потенциала, по мнению Пола Фейерабенда (Feyerabend, [1978] 1980: 121), объяснялось в первую очередь ее способностью «ограничивать общественное влияние других идеологий и тем самым обеспечивать индивиду пространство для мышления». Этой положительной оценке эмансипирующей функции науки, разумеется, способствовали также и основанные на ней технические достижения и сохранившаяся и в XX веке убежденность в том, что техника освобождает человека и способствует прогрессу. Распространенные представления о демократии в связи с этим нередко опирались на теорию универсальной способности и едва ли не «естественной»

предрасположенности человека к демократическому правлению. В последнее время, хотя не только в наши дни, к взаимосвязи знания и демократии стали относиться гораздо более скептично. Научные познания, согласно этой распространенной критической оценке, были и будут инструментом патернализма и подавления.

Я в своем исследовании уделяю особое внимание взаимодействию между демократией или функционированием демократических институтов или обществ и знанием живущих в нем акторов. Действительно ли источник свободы есть функция «покорения жизни при помощи науки», как в гораздо более позитивном ключе констатирует Макс Вебер (Weber [1904] 1980: 64)? Можем ли мы говорить о том, что демократия и знания, т.е. в первую очередь компетентность (knowledgeability), а также масс–медиа, транслирующие эти знания[2], усиливают друг друга? Поддерживают ли, в частности, современные науки демократию, а демократия — науки? Или же недавнее развитие их отношений привело к появлению противоречия между демократией и знанием? Не наблюдаем ли мы своего рода неразрывную спайку знания и власти, в частности, в свете того, что ни одно решение сегодня не принимается без учета экспертного знания, что, по сути, означает «смерть демократии»? Не подрывает ли растущая компетентность и информированность внутри гражданского общества основы демократии? Можно ли, как вопрошает Сэнфорд Лакофф, рассчитывать на то, что власть имущие разумно распорядятся полу-

[2] Здесь я хотел бы отослать читателю к актуальной дискуссии о будущем традиционного книгоиздательства (см. также Frank Patalong, "Wer braucht noch einen Verlag?", Spiegel Online, 20.06.2011). Так, например, Стивен Картер (Carter, 2009) опасается, что традиционному книгопечатанию в скором времени придет конец. Книги же, как подчеркивает Картер, являются «неотъемлемым условием демократии. Не грамотность, хотя грамотность, безусловно, важна, не чтение, хотя чтение прекрасно — нет, сами по себе книги, их фактическое, физическое существование на полках библиотек, магазинов и домов транслируют некий смысл. В мире, где почти все вещи кажутся эфемерными, книги подразумевают постоянство: что существуют идеи и мысли, достойные того, чтобы их запечатлели в некой физической форме, требующей затрат на производство и места для хранения. Книга, вышедшая из печати, не может быть отозвана обратно. Автор, поменявший свое мнение, не может просто взять и изъять соответствующую страницу».

ченными ими знаниями? Ведет ли «технократизация» знания к сосредоточению политической власти в руках немногих и прежде всего представителей исполнительной власти и в результате — к политической апатии и самоустранению от участия в политическом процессе больших групп населения (Eisenstadt, 1990: 90)? Наконец, можно ли считать тех, кто владеет знанием и контролирует его, невосприимчивыми к коррупционным соблазнам?

Знание поддерживает демократию

Что демократический режим — даже если он существует только в науке, которая, по убеждению Полани (Polanyi [1962] 2000: 15), должна быть свободна от любых форм коррупции и отвлекающих влияний — способствуют познавательному процессу, — это один из тезисов, в наименьшей степени подвергаемых сомнению в контексте нашего исследования. Но все же и его нельзя назвать абсолютно бесспорным[3]. Еще менее очевидным представляется допущение о том, что знание в принципе всегда усиливает свободы в обществе[4].

Это касается даже тех, кто убежден, что знание должно усиливать свободы. В ходе исторического развития знания и особенно научного познания освободительная функция знания постепенно ослабевает. Это происходит, в частности, оттого, что процесс принятия политических решений все теснее связан со специальным научным знанием, что отрицательно сказывается на способности многих людей эффективно влиять на решения политических институтов.

---

[3] Так, в описании характеристик «республики науки» у самого Майкла Полани (Polanyi, [1962] 2000) присутствуют выраженные авторитарные и элитарные черты социальной организации научного процесса, без которых невозможна научная креативность и научный прогресс (см. об этом: Jarvie, 2001).

[4] В своей работе «Республика науки» (Polanyi, [1962] 2000: 14), где он в целом положительно оценивает свободу науки, Майкл Полани обращает внимание на один факт, который для него является самоочевидным: «На протяжении по меньшей мере трех столетий научный прогресс все сильнее определял взгляд человека на Вселенную и кардинально изменил (в лучшую или худшую сторону) общепринятое значение человеческой жизни. Его теоретическое и философское влияние было огромным».

К вопросу о взаимосвязи знания и демократии, безусловно, относится вопрос о точном или изменчивом выражении этой взаимосвязи, если она все же существует: способствует ли рост научных знаний среди населения утверждению демократических институтов и установок, как подчеркивал, в частности, Джон Дьюи в 1930–е годы (Dewey, [1938] 1955), а демократическое окружение поддерживает свободную от догм научную практику, как в 1940–е годы, продолжая идеи Дэвида Юма[5], писал об этом Роберт К. Мертон (Merton, [1938] 1973) в связи с проблемой власти в тоталитарных обществах? Или же в данном случае мы имеем дело с взаимным влиянием?[6] Оказывает ли знание «демократизирующее» воздействие, или же демократические процессы принятия решений выигрывают от недостаточной информированности акторов (ср. Couzin et al., 2011)? Мы то и дело слышим сетования на невежество избирателей и манипуляции со стороны политических институтов, однако, по сравнению со всеми прошлыми периодами, сегодня мы наблюдаем беспрецедентную

[5] Дэвид Юм (Hume, [1977] 1985: 118) не оставляет никаких сомнений в том, какого рода «причинно–следственные» связи, по его мнению, существуют между знанием и демократией: «Искусства и науки не могут первоначально возникать среди какого–либо народа, если этот народ не пользуется благами свободной системы правления. <…> Деспотизм <…> навсегда ставит преграду всем усовершенствованиям и удерживает людей от стремления к знаниям». Дэниел Лернер (Lerner, 1959: 23) в своих рассуждениях о будущем (социальных) наук в современном мире, в отличие от Юма, высказывает скептическую гипотезу: «На протяжении жизни последнего поколения социальные науки подвергались массированной атаке со стороны новых форм деспотизма, появившихся в XX веке. В своем контрнаступлении на либертарианские основы современной демократии фашистские, националистические и коммунистические режимы официально объявили социальные науки в то виде, в каком мы их знаем, вне закона и деформировали их интеллектуально».

[6] Осуществляется ли в демократических обществах демократический контроль за наукой и научной политикой? Как выглядит этот контроль? В этой связи я должен буду обратиться к теме демократизации процесса познания (Feyerabend, [1975] 2006), демократизации знания (см., например Neurath, [1945] 1996: 255), а также сциентификации политики (см., например Mannheim, 1929; Bell, 1960) и представлений о себе самом и о мире у современного человека (см., например Polanyi, 1992: 67; Thorpe, 2009).

информированность большой части населения в том, что касается государственного правления (Aron, [1965] 1984: 115)[7].

Среди авторов, занимавшихся непосредственно данной тематикой и высказавших однозначное мнение на этот счет, необходимо назвать и Роберта Куна (Kuhn, 2003):

«Как правило, в качестве причины расходования бюджетных денег на большие и малые исследовательские проекты утверждается, что они могут продлить нашу жизнь и сделать ее более здоровой, безопасной, счастливой, продуктивной и приятной. О том, что наука, даже если речь идет о "чистой" науке, может укрепить демократию и обеспечить участие населения в политическом процессе как в Соединенных Штатах, так и во всем мире, обычно не упоминают, хотя помнить об этом следует. Научные знания заряжают демократию энергией, <...> и в этом заключается важное дополнительное преимущество от прогресса науки».

Проблемы и противоречия между демократией и свободой

Вопрос о совместимости свободы и равенства — одна из главных тем теории либерализма (ср., например Rawls, [1971] 1991; Dworkin, [2002]; Eisenstadt, 1982). Можно ли исходить из того, что это касается и отношений между демократией и знанием, по аналогии с позицией Макса Хоркхаймера[8], который, в отличие от

---

[7] Отто Нейрат (Otto Neurath, [1945] 1996) в неопубликованном трактате под названием «Визуальное образование: гуманизация vs. популяризация» определяет знание как более или менее связанные между собой эмпирические высказывания и аргументы. Соответственно, передача знаний — это передача высказываний и аргументов. По мере того как этот процесс становится всеобщим, т.е. охватывает все общество, происходит демократизация знания. А поскольку каждый гражданин прямо или косвенно вовлечен в процесс принятия общих решений, то повсеместное распространение знаний, добавляет Нейрат, имеет решающее значение для «бесперебойного» функционирования демократии.

[8] Например, в «Критике Готской программы Немецкой рабочей партии». В работах Джона Стюарта Милля, в наблюдениях Алексиса де Токвиля и в их дискуссиях с другими публицистами также встречаются схожие рассуждения о *неполной* совместимости равенства и свободы; так, например, Токвиль в своей книге «Старый порядок и революция» (Tocqueville, [1856]

Карла Маркса, настаивал на том, что справедливость и свобода ни в коей мере не усиливают друг друга? Серьезные предостережения о существенном сокращении возможностей участия граждан в политическом процессе и усилении роли экспертов и их знания, безусловно, свидетельствуют о вероятности того, что знания и демократия несовместимы друг с другом. Еще в большей степени это относится к тем теоретикам общества, которые в 1960–1970-х годах выступили с тезисом о нерасторжимой связи власти и знания. Монополизация знания власть имущими лежит в основе сохранения их власти и подавления тех, кто этой власти лишен[9]. Представляет ли тогда прогресс научного знания и прежде всего стремительный рост и трансформация знаний, вызванные усилением специализации научной практики, угрозу для демократии?

Является ли причиной диагностируемого многими исследователями «кризиса» или «выхолащивании демократии»[10], наряду с усиливающейся глобализацией и интернализацией политиче-

---

1998: 280–281) пишет о Канаде: «Но в Канаде, по крайней мере, пока она остается под властью Франции, равенство соединяется с неограниченной властью», а Миллс высказывает схожие идеи в своей рецензии на «Демократию в Америке» де Токвиля в «London Review» (Mills, 1835). В отличие от этих тезисов о несовместимости свободы и равенства, Исайя Берлин (Berlin, 1949/1950: 378) называет «новый курс» Рузвельта в США «величайшим либеральным проектом» и «самым конструктивным компромиссом между индивидуальной свободой и экономической безопасностью, какой имел место в нашу эпоху». В целом же Берлин (см. Berlin, [1998] 2002: 22) соглашается с тезисом о принципиальной несовместимости равенства и свободы (см. также дискуссию о том, как соотносятся между собой благосостояние, действие и свобода в «Лекциях о Дьюи» Амартии Сена (Sen, 1985: 177–181).

[9] Тони Джадт (Judt, 2005: 479) так конкретизирует вывод известных обществоведов этого периода: власть в обществе опирается уже не доминировавшую прежде теоретическую посылку о контроле над природными ресурсами и человеческим капиталом со стороны власть имущих, а на монополию на знание и именно на естественные науки и знания об общественности, жизненном мире и субъективных идентичностях, но прежде всего на знание о процессе производства знаний.

[10] Кляйн и Хайтмайер (Klein, Heitmeyer, 2011: 39) видят в выхолащивании демократии следствие «смещения контролирующей власти в сторону мирового капитала».

ских и экономических процессов, проблем и шансов, также или даже в первую очередь увеличивающийся разрыв между высоко специализированными научными познаниями и их использованием в процессе принятия политических решений, с одной стороны, и способностью среднестатистического гражданина участвовать в соответствующих специализированных дискурсах, с другой?

Угрозы для демократии, связанные с асимметричным распределением знания в современных обществах, и неравномерное разделение, еще больше усиливающееся по мере непрерывного роста знаний, кардинально изменили оптимистичные ожидания многих наблюдателей в отношении вероятности того, что растущая компетентность граждан будет способствовать укреплению демократии.

Сюда относятся, в частности, ограничения и риски, выявленные еще в начале прошлого столетия Робертом Михельсом и Максом Вебером и несколько позже — Йозефом Шумпетером и Мартином Липсетом. Макс Вебер, например, указывает на то, что причина «пацифизма социального бессилия» заключается не только в неудержимой бюрократизации современных обществ. Как ввиду «необходимости и обусловленного ею властного положения <…> государственного чиновничества», вопрошает Вебер (Weber [1918] 1980: 333), вообще возможно существование «сил, которые ограничивают господство этой непрерывно растущей по своему значению прослойки и действительно ее контролируют? Как будет вообще возможна демократия хотя бы в этом ограниченном смысле?» Политические процессы, зависящие от высокоспециализированных научных знаний, лишают граждан веры в себя и, как подчеркивает Джафранко Поджи (Poggi, 1982: 358) вынуждают их «воздерживаться от высказывания собственной позиции по политическим вопросам, если она основана исключительно на их врожденной способности морального суждения». Если противоречие между знанием, его развитием и распространением, с одной стороны, и либеральной демократией, с другой, действительно существует, то означает ли это, что оно появилось в недавнем прошлом, или же в наши дни оно лишь обострилось? Является ли дисгармоничность этих отношений следствием высокоспециализированных новейших познаний, или же причина заключается и в определенных формах прогресса современного,

практически значимого знания, в частности, в сфере биотехнологий, генетики, инструментальной диагностики и терапии в медицине или нанотехнологий?

Является ли возросшее недоверие и отказ широких слоев населения от традиционных форм активного политического участия во многих демократических странах (в частности, отказ от участия в выборах, выход из политических партий (см. Putnam, 2002: 404–416)) результатом утраты легитимности критических форм гражданства или признаком появления новых, неявных форм существования демократии (см., например: Rosanvallon, [2006] 2008: 274; Schmitter, 2010b)?[11]

Исследователи, занимающиеся современными экологическими проблемами, как, например, проблема изменения климата, также обнаруживают новые барьеры и угрозы для демократии. В осуществляемой до сих пор политике в отношении глобального потепления они видят подтверждения того, что можно назвать «неприятной или неудобной демократией», т.е. такой демократии, которая не в состоянии адекватно и своевременно реагировать на глобальную угрозу изменения климата и реализовать на практике рекомендации ученых по решению этой проблемы[12]. Сторонники тезиса о системной слабости демократии требуют едва ли не отстранения граждан от политики с тем, чтобы на проблемы, связанные с изменениями экологической ситуации, можно было реагировать без оглядки на обременительные демократические институты. Какие сферы ответственности можно выделить в данном случае, если подобные диагнозы вообще имеют под собой основание? Каковы причины того, что «наши политические системы постепенно утрачивают способность реагировать на социальные изменения и находить решения социальных и политических проблем» (Blokland, 2011: 1)?

---

[11] Подробное рассмотрение генеалогии понятия «гражданин» см. в: Dahrendorf, 1974.

[12] Всесторонний анализ того тезиса см. в экскурсе «Неудобная демократия». Стивен Х. Шнайдер (Schneider, 2009), исследователь климата, умерший в 2011 году, в своей книге «Наука как контактный спорт» формулирует данную проблематику иначе, но тоже скептически: «Способна ли демократия пережить сложность проблемы [изменения климата]?»

Конкурирующие объяснения демократических процессов

Где–то внезапный, а где–то постепенный переход к демократическим институтам, формам правления и обществам, а также их (до сих пор довольно редкое) крушение — это всегда вопрос исторической уникальности неповторимых и неординарных сил и обстоятельств, которые позволяют как непосредственным участникам, так и внешним наблюдателям этих процессов сделать вывод о самобытной комбинации характерных структурных трендов, редких событий и неординарных возможностей. В этой связи крайне сложно сделать какие–либо обобщения относительно условий, благоприятствующих или препятствующих стабильному демократическому господству[13]. Тем не менее, ученые попытались сформулировать некоторые общие выводы, которые помогли лучше понять условия возможности и хронические трудности демократии (см., например: Gleditsch, Ward, 2008).

Наиболее резко тезису о том, что свобода — дочь знания, противостоит утверждение, что катализаторы свободы — это либо рыночные процессы, либо результаты рыночной экономики. В этой связи достаточно назвать двух выдающихся экономистов прошлого столетия — Джона Мейнарда Кейнса и Йозефа Шумпетера, сформулировавших однозначный ответ на вопрос о том,

---

[13] К явлениям, которые учитываются многими аналитиками процессов демократизации и которым даже приписывается важная роль в этих процессах, относятся определенные личностные характеристики, в частности, ценностные установки действующих акторов (см., например: Somer, 2011). Я в данном исследовании намерен обойтись без анализа индивидуальных, т.е. психологических свойств значимых акторов, поскольку он выходит за рамки интересующей меня тематики. Это, впрочем, не означает, что данные характеристики не могут способствовать зарождению демократических движений и сохранению демократий. Я также не рассматриваю гораздо более спорное утверждение о том, что причиной установления того или иного политического режима является неизменная территория и ее географические особенности и что на наши действия влияет не то, как мы видим эту территорию, а ее фактические материальные свойства. Географический и климатический детерминизм совершенно справедливо пользуется дурной славой в науке, но, несмотря на это, и в наши дни постоянно предпринимаются попытки его реанимировать (см., например: Kaplan, 2012).

существует ли связь между капитализмом и свободой. Для Кейнса капитализм, если говорить о размещении этой формы экономической жизни в системе значимых видов деятельности человека, не является самоцелью. Как он пишет, к примеру, в эссе «Экономические возможности наших внуков» (Keynes, 1930), капитализм «необходим для свободы, но сами по себе действия капиталистического общества не является значимой частью того, что включает в себя понятие свободы» (Backhouse, Bateman, 2009: 663).

Йозеф Шумпетер (Schumpeter, [1942] 1993: 297), напротив, настаивал на том, что «современная демократия есть побочный продукт капиталистического процесса». В наши дни этот основополагающий тезис нашел сторонника в лице еще одного знаменитого экономиста, а именно Мансура Олсона (Olson, 2000: 132). Олсон подчеркивает: «Нельзя назвать случайностью тот факт, что страны, достигшие самого высокого уровня экономического развития и пережившие долгий, на протяжении нескольких поколений, период процветания, все без исключения имеют стабильную демократическую систему правления». Разумеется, тезис о тесной взаимосвязи свободы и капитализма имеет и противников среди известных ученых, круг которых не ограничивается марксистами или сторонниками Макса Вебера (см., например: Weber, [1906] 1980). Они, в свою очередь, указывают на противоречие, существующее между капитализмом и свободой (и определенными формами равенства). Я в своей работе рассмотрю различные теоретические подходы, где делается акцент на других факторах, способствующих укреплению демократии, причем как эндогенных (таких как формальное образование, представления о ценностях, институты, масс–медиа) и экзогенных (процессы заражения, распространения и подражания).

Почему знание следует трактовать как непосредственно–оперативный фактор?

Знание я определяю как способность к действию (дееспособность), как возможность привести в движение или начать тот или иной процесс. Способность к действию (в отличие от (габитуального) поведения) обозначает не просто возможность осуществлять некие материально–физические манипуляции, например,

развести огонь, завести машину, продать акции или оказать сопротивление агрессору. «Приведение чего–либо в движение» может относиться и к способности осуществлять действия в символической сфере, например, сформулировать гипотезу, оценить «факты», классифицировать литературу по темам или же отстаивать тезис перед лицом опровергающих его «новых фактов».

Определяя знание как способность к действию я, хотя и временно, но все же оставляю в стороне вопрос об отношении знания и социального действия. На этом этапе остается неясным, каким образом производится знание, существуют ли различные формы знания и прогресс знания в долгосрочной перспективе[14], как распределяется знание в обществе, как происходит переход от знания к действию и какие структуры этому способствуют, а какие — препятствуют. Именно этот статус способности или ресурса в контекстах общественного действия позволяет понять, что знание не может быть единственным оперативным фактором в формуле равенства знания и свободы. Непосредственная власть знания проявляется лишь в реализации способности к действию, а для этого, как будет показано впоследствии, необходима определенная свобода действий и/или отход от его рутинных форм. Поэтому важную роль в отношении знания и действия играет компетентность.

Компетентность

Значение знания гражданского общества для демократических форм правления, безусловно, уже оказывалось в центре эмпирических и теоретических исследований, однако, как правило, этот анализ не был исчерпывающим, и причина этого не в том, что авторы имели перед глазами другие общественные отношения, а в том, что ключевые понятия и гипотезы в рамках анализа демократии и знания обычно использовались в самом широком, неточном смысле. Это касается прежде всего смешения понятий информации и знания и знания и компетентности. Я, со своей стороны, постараюсь показать, что их строгое разделение может быть весьма полезным.

[14] См. Elias, [1971] 2006: 219–256.

Компетентность обозначает комплекс социальных и когнитивных навыков и умений (способностей). Перенос акцента на компетентность обращает наше внимание не только на новую основу (интранзитивного или дистрибутивного)[15] социального неравенства, понимаемого, впрочем, не в смысле строго психологических диспозиций, но и на расширение и появление новых шансов политического и общественного участия и конфликтов. Если говорить о политической сфере и политическом участии, то способности, из которых складывается компетентность, как, например, способность иметь и выражать собственное мнение[16] (см. Hirschman, 1989), стимулируют интерес к политическим вопросам и способствуют большей осведомленности и способности рационально рассуждать на политические темы, самостоятельно принимать политические решения и оказывать влияние на других акторов.

Растущая способность небольших групп к самоорганизации и утрата некогда тотальной власти со стороны крупных общественных институтов — важная часть анализируемых мною изменений[17]. Помимо остающегося открытым вопроса о том, о каком именно знании и о какой именно демократии идет речь, ввиду неудержимой социальной трансформации современных обществ перед исследователем встают и другие сложные вопросы: является ли демократия (по-прежнему) дочерью знания? Можно ли считать уровень знаний граждан если не прямым, то, по крайней

---

[15] См. обсуждение социальной стратификации у Дарендорфа (Dahrendorf, 1966: 3), где он различает транзитивное (выше–ниже) и интразитивное социальное неравенство («размещение позиций в некой единой системе координат, а не расположение их друг относительно друга <…> интранзитивное неравенство описывает <…> некую дистрибутивную упорядоченность»).

[16] Это описание одной из специфических способностей, из которых складывается компетентность, напоминает Оруэлловское определение свободы в неопубликованном предисловии к «Скотному двору»: «Если свобода вообще что-то значит, то она означает право говорить людям то, что они не хотят слышать».

[17] Более подробно вопрос утраты власти со стороны крупных общественных институтов в современных обществах и появления новых сложностей, связанных с управлением этими обществами и организацией когерентной социальной системы, я рассматриваю в своей работе «Хрупкость современных обществ. Стагнация власти и возможности индивида» (Stehr, 2000a).

мере, косвенным путем к демократии? Обременяют ли, с другой стороны, неравномерное распределение знания и недостаток знаний со стороны общественности демократию? За этим вопросом сразу возникает следующий: какая форма демократии вообще возможна в условиях современных обществ? Или же в мире возрастающей сложности, динамичности, неустойчивости и неопределенности демократия как политическая идея в принципе устарела?

Что касается влияния знания (компетентности) на характер политического режима, то здесь имеет значение в первую очередь способность граждан ограничивать власть тех, кто стоит у кормила политической власти. Чтобы реально воздействовать на жизнь общества и эффективно влиять на политические решения, фактического участия, требующего непосредственного присутствия, недостаточно. Понятие «представительства» в концепции Ханны Питкин (Pitkin, 1967: 144) имеет более широкое значение, обозначая «присутствие чего–либо, что на самом деле отсутствует». Кроме того, компетентность повышает способность граждан к самоуправлению. Способность к самоуправлению на коллективном уровне способствует самоорганизации и благоприятствует утверждению демократии.

Социально–исторический контекст современных демократий

Для ответа на этот и другие фундаментальные вопросы о динамичном взаимодействии демократии и знания, помимо теории современных обществ, необходим также анализ актуального социально–политического состояния свободы и демократии, поскольку, с одной стороны, демократические институты постоянно меняются, а, с другой стороны, меняют социальное значение знания и уровень свободы в обществе.

Сегодня многие исследователи исходят из того, что человек в современном обществе не только сталкивается с огромным объемом знаний, но и нуждается в нем, чтобы в принципе иметь возможность жить в этом обществе. Для истории человечества характерно не только увеличение объема знания, но и изменение его форм (см. например: Elias, 1971). В доисторическом или примитивном обществе человек был уязвим, его жизни многое угрожало.

Однако то же самое можно сказать и о значительной части населения обществ с развитой, сложной социальной организацией, что не в последнюю очередь объясняется тем, что современные научные познания, в частности, о самом обществе и его природном окружении, порождают новые проблемы, требующие определенных политических действий. В то же время представители социальных наук констатируют резкое уменьшение уровня свободы в современных обществах: «В западных обществах непрерывно уменьшается уровень политической свободы граждан и сокращаются возможности влиять на развитие общества и, в более широком смысле, на собственную жизнь» (Blockland, 2011: 1).

О том, что игнорируемый многими вопрос о взаимодействии знания и демократии далек от разрешения, свидетельствуют отдельные аспекты практически–политических конфликтов недавнего прошлого, в частности, спор между штатом и городом Нью–Йорком о том, «насколько дорогим может быть знание». К этой показательной дискуссии я еще вернусь в одной из последующих глав.

Ввиду динамичности современных обществ и меняющихся отношений между демократией и знанием имеет смысл подвергнуть тщательному анализу как формы демократических обществ, так и социальную роль действующих в них компетентных акторов, объединений и движений. Наши знания о взаимодействии знания и социального контекста, а также меняющейся социальной реальности недостаточны. Как уже много лет назад писал Томас Лукман (Luckmann, [1982] 2002: 82): «Мы располагаем лишь весьма неточным представлением о том, в какой мере исторические трансформации и социальное распределение знаний являются причиной общественных перемен в целом». Это наблюдение остается верным и по сей день. Тем не менее, я надеюсь своими размышлениями внести некоторый вклад в устранение данного теоретического и эмпирического дефицита.

Я хотел бы высказать особую благодарность за критические замечания и комментарии следующим коллегам: Герберту Адаму, Мариану Адольфу, Свену Элиэсону, Райнеру Грундману, Рагнвальду Каллебергу, Жаклин Люс, Скотту МакНэллу, Александру Рузеру и Герману Штрассеру. Благодаря компетентной

помощи Хеллы Байстер и Вальтера Ротенбергера текст данного исследования стал более благозвучным.

В своей книге — в частности, в разделах, посвященных понятию знания, различию между знанием и информацией, рисками знания, а также возможности управлять современными обществами — я ссылаюсь на собственные работы прошлых лет, которые тесно связаны с темами данного исследования, несмотря на то, что изначально в них рассматриваются другие вопросы. В этой книге мои предыдущие разработки представлены и дополнены в свете новых идей, актуальной литературы и новейшего общественного развития.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 7

1. Определение понятий 24
   1.1. Знание: способность к действию? 29
      1.1.1. Какое знание имеется в виду и почему? 48
      1.1.2. Информация и знание 52
      1.1.3. Почему знание и информация должны рассматриваться как политический капитал? 67
   1.2. Демократия: кто правит? 72
      1.2.1. Свобода: какие свободы имеются в виду? 85
      1.2.2. «Свобода от» и «свобода для» 86
      1.2.3. Политические свободы 91
      1.2.4. Экономические свободы 94
      1.2.5. Гражданские или социальные свободы 95
   1.3. Проблема власти 96
   Экскурс: Сколько знаний нужно демократии и сколько они должны стоить? 102

2. Объяснения условий и устойчивости свободы 110
   2.1. Знание и свободы 115
   2.2. Роль формального образования (посещения школы) 119
   2.3. Компетентность как социальный феномен 129
   2.4. Компетентность как совокупность социальных способностей 134
   2.5. Организации гражданского общества 144
   2.6. Политическая культура 151
   2.7. Роль СМИ 154
   2.8. Национальное государство и демократия 162
   2.9. Международные сети 166

3. Экономические формации обеспечивают (не) возможность свободы 173
   3.1. Роль благосостояния 182
   3.2. Богатство как основа демократии 196
   3.3. Экономический рост и демократические страны 205
   3.4. Неравенство и демократия 208
   3.5. Экономическое благополучие и знание 216

4. Scientia est libertas 220
   4.1. Истоки и надежды науки 226
   4.2. Наука как модель для демократии 229

4.3. Научный этос и демократия 231
4.4. Совместимы ли (научное) познание и демократия? 237
4.5. Венский кружок 241
4.6. Джон Дьюи: наука и демократия 246
4.7. Липпман, Дьюи и демократическая форма правления 253
Экскурс: Неудобная демократия: научные знания и изменение климата 258
4.8. Границы свободы науки 273
5. Знание власть имущих 276
5.1. Господство на основе знания 282
5.2. «Железный закон» олигархии 290
5.3. Симметрия власти и знания 296
5.4. Новые классы знания 306
5.4.1. Производители смыслов 307
5.4.2. Производители информации 320
5.4.3. Креативный класс 326
5.4.4. Глобальный класс 330
6. Знание слабых 335
6.1. Политика в обществе знания 344
6.2. Возможность управления обществами знания 353
6.3. Политическое знание 370
6.4. Новая общественность 384
6.5. Мягкая власть и демократия 392
6.6. Демократия и научные знания 406
6.7. Научные познания и здравый смысл 410
6.8. Пропасть между обыденным знанием и наукой 419
6.9. Что можно сделать? 425
6.10. Современные общества и стратификация знания 429
6.11. Новые риски знания 430
6.12. Хрупкость экспертизы 436
6.13. Знание как оружие «слабых» 443
6.14. Совместимы ли демократия и знание как собственность? 454
6.15. Знания, наделяющие способностью? 456
6.16. Реалистичная точка зрения 459
Знание / Демократия Заключительное слово 465
Библиография 469
Именной указатель 543
Предметный указатель 565